

я утверждаю, что при существованіи этой системы слишком мало той законодательной и политической дѣятельности, которая могла бы быть признана дѣятельностью вполне христіанской; я отрицаю, чтобы добрые, хорошие люди способствовали бы поступательному движенію въ сторону осуществленія евангельскихъ истинъ настолько, насколько они вредятъ нравственному преобразованію своею законодательной и политической дѣятельностями.

Что скажутъ намъ факты?

Развѣ не фактъ, что люди, ревностно преданные судебной дѣятельности, люди, посвятившіе себя всецѣло преслѣдованію нарушителей закона, теряютъ обыкновенно чуткость души, теряютъ способность нравственнаго воздѣйствія? Въ характерѣ ихъ развивается непримиримая, гнетущая, упрямая сила, и они становятся предметомъ страха для смиренныхъ и добрыхъ людей и предметомъ ненависти и презрѣнія для беззаконниковъ. Общее и повсемѣстное явленіе—то, что упованіе на судебныя кары, упованіе, возлагаемое на насиліе, вездѣ и всегда дѣйствуетъ болѣе растлѣвающе, чѣмъ приноситъ пользы. Упованіе это въ отношеніи нравственномъ немногимъ менѣе вредно, чѣмъ въ отношеніи религіозномъ, но вредно оно всегда и безусловно.

Развѣ не фактъ, что хорошие, добрые и по природѣ своей честные люди, благодаря тому обстоятельству, что состоятъ въ разныхъ политическихъ партіяхъ, подъ предлогомъ исполненія своего долга подають свой голосъ то за, то противъ тѣхъ же политическихъ дѣятелей, то за, то противъ тѣхъ же правительственныхъ мѣропріятій. Зачѣмъ эти постоянныя противорѣчія самому себѣ? Требуется ли такого двуличія просвѣщенное человѣчество? Безъ сомнѣнія, не требуетъ, и одно изъ двухъ: или люди эти нехорошіе, нечестные люди, или понятіе ихъ о долгѣ фальшиво.